

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Макаров Е.П. Этнокультурная составляющая пребывания британской регулярной армии в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.71480 EDN: KOLUEJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71480

Этнокультурная составляющая пребывания британской регулярной армии в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в.

Макаров Егор Павлович

ORCID: 0000-0002-1105-0260

кандидат исторических наук

доцент, кафедра "Философия и социально-гуманитарные науки"; Самарский государственный технический университет

443100, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Циолковского, 1



 egor.makarov.esq@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.71480

EDN:

KOLUEJ

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2024

Аннотация: В статье рассматриваются этнокультурные аспекты присутствия британских регулярных войск на колониальной границе Виргинии в середине XVIII в. Предметом исследования выступают морально-этические установки, которых придерживались британские солдаты, расквартированные в фортах западного приграничья Виргинии. Объектом исследования выступают экономические, культурные и политические процессы, которые сопровождали пребывание британской армии в Виргинии и на которые солдаты и офицеры были вынуждены реагировать сообразно собственным представлениям о государственных интересах и региональной специфике их службы. Важное внимание уделено анализу бытовых представлений британских солдат о проявлении лояльности королю и местной колониальной администрации. Особая роль отводится изучению формирования у британских солдат представлений о собственной идентичности, обусловленных постоянным контактом с потенциально враждебными

представителями французских колоний и местными индейскими племенами. В своей работе автор использует хронологический и историко-сравнительный методы исследования, которые позволяют произвести более полный анализ процесса формирования у солдат британской регулярной армии представлений о вопросах собственной лояльности и идентичности, характерных для западного приграничья Виргинии середины XVIII в. В качестве выводов проведённого исследования можно сформулировать несколько тезисов. Во-первых, британские этнокультурные стереотипы были исторически понятны Франции, однако оказались совершенно чуждыми коренному населению Северной Америки. После окончания Франко-индийской войны 1754–1763 гг. всё чаще стали проявляться негативные этнокультурные стереотипы по отношению к племенам. Во-вторых, на фоне отсутствия у Великобритании желания поддерживать союзы с индейцами, после 1763 г. произошло резкое охлаждение взаимоотношений с ними. Новые способы поддержания обороноспособности на колониальной границе включали культивирование среди солдат мировоззрения, согласно которому индейцы и белые представлялись чуждыми друг другу. Нежелание привыкать к несправедливым условиям отношений стало причиной приграничных конфликтов, продолжавшихся в период 1763–1766 гг. В-третьих, восстание Понтиака можно рассматривать как вариант антиколониалистского выступления племён, которые утратив своего союзника в лице Франции, потеряли возможность выстраивания равноправных торговых и дипломатических взаимоотношений с европейцами.

Ключевые слова:

Великобритания, Виргиния, Франко-индийская война, восстание Понтиака, Северная Америка, колониальная политика, лояльность, идентичность, британская армия, восемнадцатый век

Исследующие военную историю колоний Северной Америки учёные по традиции уделяют большое внимание анализу боевых действий, проблем тактики и стратегии, а также рассмотрению биографий отдельных персоналий, внёсших значительный вклад в дело войны и мира. Большинство подобных исследователей, также как Стивен Брамвелл и Джюлиан Корбетт признают, что комплексный анализ британского военного присутствия в Северной Америке попросту невозможен без изучения повседневного быта солдат и офицеров, обусловленного сопровождавшими его локальными экономическими, политическими и культурными явлениями [\[1, 2\]](#).

Важное место в формировании особенностей армейской повседневности занимают этнокультурные явления и процессы, которые объективно менее изучены по сравнению с экономическими и политическими аспектами. Историк Уолтер Борнеман отмечал, что особая историческая ценность исследования данных процессов и явлений заключается в том, что вооружённые столкновения на колониальной границе на протяжении большей части XVIII в. представляли собой противостояние сторон, которые были разделены не только разной государственной принадлежностью, но что не менее важно, этнокультурной идентичностью [\[3\]](#).

Постепенно развивавшийся на западе Виргинии колонизационный процесс последовательно устанавливал всё новые линии демаркации. Сопутствовавшие колонизации вооружённые конфликты трансформировали огромное социокультурное пространство Америки, а их итогом часто становилось преобладание одних этносов над

другими [4]. На месте одних форм этнокультурной идентичности возникали другие, в том числе и малозаметные ранее варианты множественной идентичности, и её носителями в первую очередь становились британские солдаты и офицеры. Пребывавшая на колониальной границе регулярная армия сильнее всего ощущала этнический аспект вооружённых конфликтов, поскольку независимо от идеологических лозунгов, боевые действия всегда имели этнокультурную составляющую, заключавшуюся в представлениях противников друг о друге. Даже официальные названия войн, которые Великобритания вела в Северной Америке для защиты собственного колониального пространства, подчёркивали этнокультурную природу конфликта. Рассматривая период середины XVIII в., в данную логику укладывались Франко-индейская война 1754-1763 гг. и война Понтиака 1763-1766 гг. [5, с. 1239-1246].

В Виргинии XVIII в. главными носителями британской идентичности были именно регулярные королевские войска. Своим постоянным присутствием на колониальной границе армия укрепляла имперские институты и показывала коренным народам потенциальную опасность противодействия им. В то же время представления центрального правительства о пребывавшей в колониях регулярной армии часто вовсе не соответствовали реальности, ведь длительное взаимодействие с местным сообществом и с потенциально враждебными соседями постепенно и часто незаметно преобразовывало взгляды военных на собственную этнокультурную идентичность. Данные процессы непосредственным образом были связаны с пребыванием британских регулярных войск в колониях, и в особенности касались взаимодействия с социальными группами представителей иной этнической, национальной или региональной принадлежности [6].

В условиях колониального пространства Северной Америки XVIII в. поле боевых действий было пространством, где естественным образом пересекались носители различных этнических идентичностей. Военные конфликты всегда сосредотачивались на национальных и государственных границах, и даже в мирное время взаимодействие соседствовавших сторон всегда имело этническую окраску [7, р. 23-48]. На примере широкого пространства виргинского западного приграничья на всём протяжении XVIII в. вплоть до начала Американской войны за независимость можно было наблюдать деление на «свой народ» и находившийся за пределами зоны его расселения «чужой народ». В самые драматические периоды обострения взаимоотношений с соседствовавшими индейскими племенами региона или французскими колонистами, британские солдаты однозначно воспринимали их как врагов, в отношении которых временно снимался запрет на убийство. Важно понимать, что местные жители виргинского западного приграничья, а также солдаты и офицеры регулярной британской армии всегда умели отличать «свой народ» от «чужого народа» [8, с. 3142-3150]. Для этого применялись испытанные временем средства дифференциации, такие как культурные, языковые и религиозные особенности соседей. На практике дифференцировать «своих» и «чужих» было достаточно просто, ведь в абсолютном большинстве случаев культура, язык и религия французов, испанцев и коренных жителей региона сильно отличались от тех, которые характеризовали жителей сопредельных британских провинций Северной Америки [9].

Центральной власти Британской империи всегда был необходим потенциально враждебный «чужой народ», культурные отличия которого определяли бы потенциальную или реальную возможность прибегнуть к насильственному характеру взаимоотношений с ним. Идеологический контекст пребывания британского воинского

контингента в Северной Америке всегда востребовал проверенный временем постулат о том, что защита протестантизма требует противодействия франко-испанской католической угрозе. Для абсолютного большинства британо-американских колонистов было очевидно, что идея британской империи имела в основе протестантскую веру, общую для всех граждан империи [\[10, с. 125-132\]](#).

В современном понимании, определение британцев как единого народа было наднациональной идентичностью, совершенно не означавшей, что английское ядро в культурном и политическом плане поглотило шотландскую и валлийскую периферию. Напротив, без явного англоцентризма за счёт религиозно-политических интеграционных возможностей протестантской веры, происходило реальное объединение национальных интересов англичан, шотландцев и валлийцев. При этом именно британская регулярная армия стала мощным инструментом продвижения этой наднациональной идентичности во всех частях стремительно разраставшейся империи. Подобную имперскую идентичность можно считать множественной, поскольку само её перманентное конструирование происходило параллельно расширению территории империи. Одним из наиболее ярких примеров носителей такой множественной идентичности были шотландцы, открыто демонстрировавшие свою локальную горскую принадлежность непосредственно в процессе ведения боевых действий в защиту интересов Британской империи [\[11\]](#).

Британская регулярная армия стала проводником, который привнёс явление множественной идентичности в культурное пространство Виргинии и других североамериканских провинций. Локальная идентичность виргинца или американца поначалу была успешно встроена в имперскую модель и, идентифицируя себя в пространстве колонии, всю первую половину XVIII века местные жители не забывали о том, что расширяя границы провинции, они служат интересам империи, и как подданные монарха несут британскую ответственность за неосвоенные пространства Северной Америки [\[12, р. 763-792\]](#). Таким образом, регулярная британская армия и местное ополчение разделяли множественную идентичность, сочетавшую наднациональную, национальную и региональную составляющие до тех пор, пока принадлежность к имперскому государству несла им больше выгод, чем доставляла проблем. Пребывая на территории западного приграничья Виргинии, британские солдаты приобретали ещё и чувство принадлежности к локальному сообществу конкретного региона.

Мобилизация для участия в Семилетней войне востребовала людей из разных частей империи. Сама имперская идеологическая установка предполагала, что в войне с Францией в североамериканском пространстве этой разнородной массе людей предстояло быть едиными в роли носителей британских ценностей и проводников британской политики. После победы в войне ситуация стала более сложной, ведь за счёт присоединения французских территорий в западном приграничье Виргинии империи пришлось иметь дело с ещё большим этническим, религиозным и культурным разнообразием [\[13\]](#).

И во время войны, и в послевоенный период, регулярная армия как внешнее воплощение британской империи должна была поддерживать внутреннюю целостность империи, которая на деле всегда оставалась лишь формальной. На послевоенное усложнение этнокультурной системы региона центральная власть отреагировала привычным способом, попытавшись актуализировать имперскую иерархию этносов с указанием на доминирование победителей над побеждёнными. В подобной вертикальной социально-политической системе метрополия доминировала над колониями, а сами колонии были

неравны в степени своей политической и культурной близости к имперскому центру [\[14, р. 307-328\]](#).

Несмотря на то, что наиболее культурно отдалёнными от метрополии оказалось население отвоёванных у Франции земель, британское правительство было заинтересовано в том, чтобы сохранять баланс отношений, при котором англоговорящее и исповедовавшее протестантизм население американских провинций чувствовало бы своё превосходство над французами, и вместе с тем не забывало о бесспорном доминировании лежавшей за океаном Англии. Имперское пространство объединяло множество народов, связанных с Англией как своей метрополией. В подобных условиях проводником политики поощрения подданных и наказания врагов оставалась именно регулярная армия. Она представлялась центральной власти Великобритании в виде условного обоюдоострого меча, который сокрушал противников и который висел над головами старых и новых подданных короля, напоминая им о необходимости безоговорочного послушания. Для колоний Северной Америки в целом, и Виргинии в частности, регулярная армия была самым явным олицетворением центральной имперской власти. Как наиболее успешный британский интеграционный институт XVIII в., армия позволяла создавать и поддерживать множественную идентичность, объединявшую различные формы самоидентификации с лояльностью империи [\[15, р. 506-536\]](#).

Будучи лишь до некоторой степени однородным организмом, армия обнаруживала этнические различия, как между собственными солдатами, так и между своими военными и солдатами противника. Если французы были исторически хорошо знакомы и понятны с культурной точки зрения врагом, то повсеместно встречавшиеся в виргинском приграничье индейские племена были новым и малоизвестным соседом. Имперская экспансия Великобритании ещё в XVII в. привела к первым политico-культурным контактам с коренными народами региона. По мере того, как армия вместе с колонистами продвигалась на запад, границы провинций расширялись, и вместе с этим менялись концепции отношения к племенам. По сравнению с ситуацией начала столетия, к середине XVIII в. скрытые ранее противоречия между Великобританией и местными коренными народами значительно обострились. Многие племена открыто выступили противниками британцев во Франко-индейской войне 1754-1763 гг., а после поражения французов не сумели выстроить с американскими провинциями Великобритании, а следовательно и с метрополией, необходимых доверительных и конструктивных отношений [\[16\]](#).

В этих культурно-политических процессах послевоенного времени регулярная армия играла очень важную роль, поскольку хорошо усвоенные ею шаблоны имперского мироощущения отводили коренным народам естественный подчинённый статус, которому часто сопутствовало нарочито пренебрежительное отношение. Даже учитывая взаимозависимость колонистов и представителей индейских племён, а также сложную систему их экономического и социального взаимодействия, представители коренных народов на протяжении всего XVIII в. определялись британцами как явно чуждое сообщество, которое было практически невозможно культурно интегрировать в имперское пространство. Американские провинции весь XVII в. и первую половину XVIII в. учились сосуществовать с индейскими племенами, поскольку ни подчинить, ни уничтожить их в короткий срок попросту не представлялось возможным. Франко-индейская война стала в этом плане поворотным моментом, поскольку многие племена открыто выступили на стороне Франции в борьбе за контроль над всем востоком Северной Америки [\[17\]](#).

Великобритания также как и Франция имела индейских союзников. В британском правительстве ясно осознавали, что племена, поддерживая одну из сторон конфликта, всегда преследовали лишь свои собственные интересы. Несмотря на это обстоятельство, как только была одержана победа в войне, потребность британцев в коммерческом и военном партнёрстве с племенами практически полностью сошла на нет. Для британских солдат и офицеров даже во время войны, и в особенности в послевоенный период, ценность подобного индейского союзника была крайне сомнительной. Армия долгое время оставалась главным посредником между центральной властью метрополии и племенами, но на всех уровнях это взаимодействие было пронизано влиянием этнокультурных стереотипов [\[18, р. 1-14\]](#).

В основе торгово-экономического и военно-политического взаимодействия британских военных и представителей коренных народов лежала сложная система межличностных договорённостей. Очень часто британцам не удавалось разобраться в истинных мотивах племён и как с противниками-индейцами, так и с союзниками-индейцами, возникали ситуации недопонимания, приводившие к серьёзным конфликтам. Находившимся в регионе западного приграничья Виргинии офицерам как представителям центральной власти прямо предписывалось поддерживать формальные отношения со всеми племенами, выразившими желание такие контакты установить [\[19, р. 39-76\]](#).

При этом в основе взаимодействия коренных народов с военными лежало множество уровней соподчинения интересов. В такой сложной системе взаимодействия и интересов, зачастую коренным образом противоположенных друг другу, неудивительно, что между британскими военными и индейскими племенами, дружелюбными или нет, часто возникали недоразумения, недопонимания и конфликты. Стоит признать, что на институциональном уровне регулярная армия, как главный проводник государственной политики, стремилась поддерживать конструктивные формальные отношения с коренными народами. Это включало установление политических или военных союзов, а также торговых связей [\[20\]](#).

Гибкость данной модели взаимоотношений заключалась в том, что по мере необходимости британские военные переходили от одного этнокультурного стереотипа об индейцах к другому, представляя представителей коренного населения региона как дикарей, или хитрых и потенциально вероломных союзников, или высококвалифицированных проводников и разведчиков. Данное оперирование стереотипами всегда преследовало целью извлечение максимальной выгоды из взаимоотношений с представителями коренных народов. Оборотной стороной оперирования стереотипами были манипуляции самих племён. Индейцы умело использовали патерналистские установки и британцев, и французов, вследствие чего всегда получали желаемые товары и военное снаряжение. Племена стремились показать британцам преимущества добрососедских отношений, но не были наивными настолько, чтобы полностью и безоговорочно принять подчинённое положение. Несмотря на то, что этнокультурные практики противоположенной стороны чаще всего принимались именно представителями коренных народов, они также стремились всячески демонстрировать самобытность собственных традиций и форм культурного устройства, от выживания в дикой природе до символического обмена дарами, курения трубки мира, ритуалов скальпирования и каннибализма [\[21, р. 247-279\]](#).

Поражение французской стороны в войне и изменение колониальных границ после заключения Парижского мира 1763 г. существенно изменили общую военно-политическую ситуацию на огромных пространствах западного приграничья Виргинии.

Хрупкий дипломатический баланс отношений между Францией, Великобританией и индейскими племенами был нарушен, и британская сторона по праву победителя решила насилием навязать коренным жителям региона менее выгодную для них, патерналистскую систему взаимоотношений. В её основе лежали идеи жёсткого и безапелляционного предъявления сопредельным племенам собственных условий, чему часто сопутствовали откровенно ксенофобские практики. В воззваниях к коренным народам, в большей или меньшей степени зависимым от политики империи, содержались предложения о поддержании мира на границе и развитии коммерческого обмена на условиях свободного рынка. Однако представители племён не могли рассчитывать на полное равенство возможностей с европейскими колонистами. Применительно к ситуации в виргинском приграничье стоит отметить, что главным медиатором взаимоотношений с племенами все три четверти XVIII в. оставалась не колониальная администрация, а высшие офицеры регулярной армии. После победного окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг. усилиями командующего британскими силами в Северной Америке Джеффри Амхерста торговля с индейскими племенами была поставлена под жёсткий контроль. Все комплементарные дипломатические практики довоенного времени были свёрнуты, а затем произошёл сознательный отказ от традиции преподнесения вождям ценных даров. Главной мерой, на которой настаивал Д. Амхерст, был практически полный запрет на продажу коренным народам британского оружия, боеприпасов и амуниции [\[22\]](#).

С 1763 г. индейцы столкнулись с новыми условиями коммерческого обмена, которые большинство племён сочли крайне невыгодными. Их ропот и протест сначала выражался в стремлении путём переговоров вернуться к довоенным условиям взаимодействия, а после и в открытом крупномасштабном восстании, получившем название войны Понтиака. Меры Д. Амхерста по ограничению торговли с племенами показали высокую эффективность, и после окончательного подавления восстания Понтиака в 1766 г. отношение британцев к коренным народам стало ещё более пренебрежительным. После устранения Франции как опасного конкурента в процессе освоения долины Огайо, власти метрополии перестали рассматривать индейские племена в качестве потенциального союзника и как следствие, скрывать собственное неприятие к ним [\[23\]](#).

Рассматривая данную ситуацию с точки зрения расхожих этнокультурных стереотипов, стоит отметить, что и британские военные, и жители виргинского западного приграничья отводили племенам исключительно подчинённое положение. За длительный период взаимодействия с коренными народами, военные привыкли воспринимать индейцев либо как союзников, либо как врагов, контакты с которыми были достаточно тесными. Это обстоятельство приводило к тому, что и индейцы, и британские солдаты в процессе данного тесного взаимодействия неизбежно обменивались военными и культурными практиками. В интересах имперской политики, армейской дисциплины и сложившейся в колониях классовой системы, было крайне невыгодно поддерживать и развивать конструктивное взаимодействие с племенами. Именно поэтому в последние годы Франко-индейской войны, а затем в период войны Понтиака британское армейское командование всячески поддерживало в отношении индейцев негативные этнокультурные стереотипы. Такие упреждающие меры были залогом поддержания приемлемой для империи социальной и культурной дистанции между британским солдатом и индейцем, и как следствие, залогом обеспечения стабильности на имперской границе [\[24, р. 162-185\]](#).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно особенностей этнокультурной составляющей пребывания британской

регулярной армии в виргинском западном приграничье.

Во-первых, традиционные и характерные для Европы британские этнокультурные стереотипы были исторически понятны Франции, однако оказались совершенно чужды коренному населению Северной Америки. После окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг. произошло резкое усиление влияния негативных этнокультурных стереотипов в отношении к племенам, из-за чего индейские союзники Великобритании почувствовали себя преданными, а бывшие враги полностью уверились в том, что выстроить доверительные взаимоотношения не удастся.

Во-вторых, на фоне отсутствия у Великобритании потребности поддерживать союз с индейцами в послевоенное время, с 1763 г. произошло резкое одностороннее, а затем и обоюдное охлаждение взаимоотношений. Новые способы поддержания обороноспособности на колониальной границе включали культивирование, прежде всего среди солдат, нового мировоззрения, согласно которому индейцы и белые представлялись совершенно разными и чуждыми друг другу. Нежелание привыкать к новым, оскорбительным и несправедливым условиям взаимоотношений, слало причиной многочисленных приграничных конфликтов, продолжавшихся в период 1763-1766 гг. и ставших заметной частью войны Понтиака.

В-третьих, восстание Понтиака можно рассматривать как локальный вариант антиколониалистского выступления племён, которые утратив своего союзника в лице Франции, потеряли возможность выстраивания равноправных торговых и дипломатических взаимоотношений с европейцами. Британская империя практически сразу после заключения Парижского мира в 1763 г. указала племенам на их подчинённый статус, гарантом которого была сила регулярных войск, поддерживавших ксенофобскую идеологию жесткого разделения «своего народа» и «чужого народа».

Библиография

1. Brumwell S. Redcoats: The British Soldier and the War for the Americas 1755-1763. New York: Cambridge University Press, 2002.
2. Corbett J. S. England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
3. Borneman W. R. The French and Indian War: Deciding the Fate of North America. New York: Harper Perennial, 2007.
4. Babits L. E., Gandulla S. The archeology of French and Indian war. Gainesville, FL.: University Press of Florida, 2015.
5. Макаров Е. П., Федотов В. В. Влияние Франко-индейской войны 1754-1763 гг. на экономическое развитие Виргинии середины XVIII в. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 4 (109). С. 1239-1246.
6. Titus J. The Old Dominion at war: society, politics, and warfare in late colonial Virginia. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1991.
7. Morgan G. Virginia and the French and Indian War: A Case Study of the War's Effects on Imperial Relations // The Virginia Magazine of History and Biography Vol. 81, No. 1 (Jan., 1973). Р. 23-48.
8. Макаров Е. П., Курочкин М. В. Проблемы взаимодействия британской власти с коренными народами Северной Америки после Франко-индейской войны 1754-1763 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100). С. 3142-3150.
9. Anderson F. The War That Made America: A Short History of the French and Indian War. London: Penguin Books, 2006.

10. Макаров Е. П. Битва на Авраамовых полях и битва при Сен-Фо в восприятии изменений североамериканского театра боевых действий Семилетней войны в 1759–1760 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 125–132.
11. Merritt J. T. At The Crossroads: Indians and Empires on the Mid Atlantic Frontier, 1700–1763. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
12. Kelton P. The British and Indian War: Cherokee Power and the Fate of Empire in North America // The William and Mary Quarterly, Vol. 69, No. 4 (October 2012). P. 763–792.
13. Stanley G. F. G. New France: The Last Phase, 1744–1760. Toronto: McClelland and Stewart, 1968.
14. Ferling J. Soldiers for Virginia: Who Served in the French and Indian War? // The Virginia Magazine of History and Biography, Vol. 94, No. 3, Virginians at War, 1607–1865 (Jul., 1986). P. 307–328.
15. Carroll B. D. The Effect of Military Service on Indian Communities in Southern New England, 1740–1763 // Early American Studies, Vol. 14, No. 3 (Summer 2016). P. 506–536.
16. Berleth R. Bloody Mohawk: The French and Indian War & American Revolution on New York's Frontier. Hensonville: Black Dome Press, 2009.
17. Calloway C. G. The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
18. Kawashima Y. Forest Diplomats: The Role of Interpreters in Indian–White Relations on the Early American Frontier // American Indian Quarterly, Vol. 13, No. 1 (Winter, 1989). P. 1–14.
19. Parmenter J. After the Mourning Wars: The Iroquois as Allies in Colonial North American Campaigns, 1676–1760 // The William and Mary Quarterly, Third Series, Vol. 64, No. 1 (Jan., 2007). P. 39–76.
20. Ware T. Maryland in the French and Indian war. Charleston, SC.: The History Press, 2023.
21. Ward M. C. «The “Peaceable Kingdom” destroyed: The Seven years war and the transformation of the Pennsylvania backcountry» // Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies. Vol. 74, No. 3, 2007. P. 247–279.
22. Dowd G. E. War under Heaven: Pontiac, the Indian Nations, and the British Empire. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
23. Middleton R. Pontiac's War: Its Causes, Course and Consequences. Philadelphia: Routledge, 2007.
24. Hornor E. Intimate Enemies: Captivity and Colonial Fear of Indians in the Mid-Eighteenth Century Wars // Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies, Vol. 82, No. 2 (Spring 2015). P. 162–185.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В последние годы в нашей стране усилился интерес к фронтовой тематике. И действительно, долгое время в культуре, будь ли это литература, либо кинематограф, превалировала тема североамериканского фронтира, но ведь освоение Сибири было не легче, чем во многом насилиственная колонизация Дикого Запада. Тем не менее и тематика североамериканского фронтира все еще нуждается в подлинно научном изучении.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование

статьи, предметом которой является британская регулярная армия в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в. Автор ставит своими задачами определить роль британской армии в формировании имперского сознания в американских колониях, рассмотреть отношение армии и колонистов к индейцам, а также определить роль военных действий в изменении фронтальных отношений.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать этнокультурную составляющую пребывания британской регулярной армии в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 24 различных источника и исследования. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов отметим работы Е.П. Мартынова, Г. Моргана, П. Миддлтона, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения североамериканского фронтира. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как североамериканским фронтиром, в целом, так и дилеммой "свой"- "чужой", в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определенной актуальность темы, показывает, что "комплексный анализ британского военного присутствия в Северной Америке попросту невозможен без изучения повседневного быта солдат и офицеров, обусловленного сопровождавшими его локальными экономическими, политическими и культурными явлениями". В работе показано, что "постоянным присутствием на колониальной границе армия укрепляла имперские институты и показывала коренным народам потенциальную опасность противодействия им". Автор отмечает, что "и британские военные, и жители виргинского западного приграничья отводили племенам исключительно подчинённое положение". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи,

"по мере необходимости британские военные переходили от одного этнокультурного стереотипа об индейцах к другому, представляя представителей коренного населения региона как дикарей, или хитрых и потенциально вероломных союзников, или высококвалифицированных проводников и разведчиков".

Главным выводом статьи является то, что

"традиционные и характерные для Европы британские этнокультурные стереотипы были исторически понятны Франции, однако оказались совершенно чужды коренному населению Северной Америки".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсе лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале

"Genesis: исторические исследования".